

Глава 28. Смертельная викторина в день лавины

Ему даже не пришлось напоминать о том, чтобы тот держался крепче: тонкие руки Нин Чжуня сами собой обвились вокруг шеи Ли Цзяньчуаня, и он тесно прижался к нему.

— Наконец-то я тебя нашел...

Нин Чжунь подался вперед, едва касаясь кончиком носа щеки Ли Цзяньчуаня. В его движениях и голосе сквозила невыразимая нежность.

— Здесь очень темно. Где мы?

— За моей второй дверью.

Ощувив в своих объятиях живое тепло и изгибы этого тела, Ли Цзяньчуань почувствовал, как необъяснимая тревога, сжимавшая его сердце, начала понемногу отступать.

Он ответил, опускаясь на пол и прислоняясь спиной к стене. Одной рукой мужчина крепко обхватил Нин Чжуня за талию, усаживая его к себе на колени и прижимая к груди.

Лишь коснувшись его кожи, Ли Цзяньчуань заметил, что доктор одет лишь в тонкую рубашку и брюки — разительный контраст с его собственным теплым альпинистским снаряжением.

— Тебе холодно?

Он почувствовал, как пальцы спутника, лежащие на его плече, мелко дрожат. Ли Цзяньчуань быстро сбросил куртку и укутал в нее юношу, затем перехватил его ладони, собираясь согреть их в своих руках, но внезапно замер.

Дрожала только левая рука Нин Чжуня. С правой всё было в порядке.

— Что с ней? — мужчина внимательно осмотрел кисть.

Нин Чжунь отреагировал безучастно. Он откинулся на Ли Цзяньчуаня и лениво обвел взглядом камеру. Его «персиковые глаза» медленно открылись и закрылись.

— Устал, — негромко произнес он. — За моей второй дверью оказалась запертая комната. Найдя зацепку, я раздобыл шило и полдня долбил дверь, прежде чем выбраться.

Он чуть приподнял дрожащее запястье:

— Разомнешь?

Ли Цзяньчуань про себя усмехнулся.

«Правша стал бы пробивать дверь левой рукой?»

Но разоблачать его не стал.

Он бросил на Нин Чжуня короткий взгляд и, накрыв его ладонь своей теплой ладонью, принялся методично массировать её — от суставов до самого центра ладони, умело расслабляя затекшие мышцы и связки.

Доктор, опустив веки, наблюдал за его движениями. Огрубевшие мозоли Ли Цзяньчуаня мягко терлись о подушечки его пальцев. Когда Ли переплетал свои пальцы с его, скользя по чувствительной коже между ними, каждое это мимолетное касание отзывалось внутри обжигающей дрожью.

Под давлением сильных рук мышцы откликались тянущей ломотой. Это странное ощущение беззащитности, словно кто-то сжимал в ладонях саму твою жизнь, вызывало у Нин Чжуня мурашки и заставляло сердце биться чаще. Его взгляд, прикованный к пальцам мужчины, стал темным и глубоким.

— Здесь всё почти так же, как у тебя: еще одна запертая комната...

Ли Цзяньчуань продолжал массаж, попутно пересказывая всё, что произошло с ним в карцере, и описывая найденные улики. Он умолчал лишь об одном — о записке, найденной в ящике стола.

Когда рассказ подошел к концу, процедура была окончена. Ли помедлил секунду, а затем, поднеся запястье Нин Чжуня к губам, запечатлел на нем поцелуй.

Доктор вздрогнул. Резкая вспышка жара пронзила его от внутренней стороны запястья до самого сердца, заставив пальцы на ногах невольно сжаться. Он вскинул голову, впиваясь взглядом в лицо мужчины.

Ли Цзяньчуань выглядел сурово и мужественно: резкие линии подбородка, брови, прямые и острые, как клинки. Весь его облик дышал первобытной силой, источая мощный поток мужских гормонов. Когда он смотрел вниз, чуть нахмурившись, в нем просыпалась аура опасного, но ласкового хищника, который неторопливо пробует свою добычу.

Нин Чжунь склонил голову, пряча лицо в изгибе шеи Ли, и крепко сжал его ладонь.

— Если бы эти пальцы проникали не только между моими пальцами, было бы чудесно...

С этими словами он слегка качнул бедрами, прижимаясь к Ли в недвусмысленном намеке. Ли Цзяньчуань вскинул глаза и несильно шлепнул его по узкой талии:

— Кончай свои провокации.

И добавил с тяжелым подтекстом:

— Вернемся — я с тобой разделаюсь.

Затем он поднял его на руки и понес показывать найденные улики.

— Вот те фотографии, последняя исчезла... А это сборник стихов. На этой странице и на той — те два стихотворения, что я видел на двери лестницы. Посмотри на эти строчки... А в ящике был только этот скальпель...

Ли Цзяньчуань разложил всё перед Нин Чжунем. Раз уж долгожданный помощник нашелся, неважно как, пришло время дать своим мозгам отдых.

Доктор со спокойным выражением лица просмотрел снимки один за другим. На несколько секунд его взгляд задержался на надписи на обороте первой фотографии, после чего он равнодушно переключился на другие предметы.

— Ты уверен, что ничего не упустил? — задумчиво спросил он.

Ли покачал головой:

— Нет. Но я чувствую, что ключ к разгадке этой комнаты скрыт в этих стихах. Особенно во втором. Стоило мне прочесть его, как появилась эта дверь и меня заперли. Да и тот вопрос о Наставнике тоже кажется подозрительным.

— Эта комната скопировала твой голос, чтобы спрашивать тебя же из других временных линий... — Нин Чжунь размышлял, поглаживая страницы книги. — Это действительно безупречный замкнутый цикл.

Он продолжил:

— Ты не можешь связаться с внешним миром, а значит, не можешь изменить действия самого себя в прошлом или будущем. Ты не можешь вернуться назад и замолчать. Проблема. Похоже, чтобы выйти, нужно найти ключ от двери.

Ли Цзяньчуань напрягся:

— Ты уверен, что у этой двери есть физический ключ?

— Уверен.

Нин Чжунь уже спустился на пол. Он сделал шаг вперед и прижал ладонь к железной двери, внимательно ее изучая.

— Это кодовая дверь, считывающая микрочип. Технологии здесь выше нашего реального мира, так что нет ничего удивительного в том, что ты ее не узнал. Найдем чип-ключ — откроем дверь.

Ли Цзяньчуань заметил в его глазах знакомый блеск. Нин Чжунь знал эту дверь.

— Тогда давай искать дальше, — предложил Ли.

Он по-прежнему молчал о содержании записки. Подсказки в этом карцере казались ему странными. Если фраза в записке — это последний шаг к получению ключа, то смысл существования всей этой комнаты был слишком примитивным. Ведь даже не разгадав тайну фотографий или стихов, можно было просто методом перебора за неограниченное время открыть кодовый замок. А внутри — записка и скальпель.

Грубо говоря, можно было обойтись без сюжета и загадок, дойдя до конца одной лишь грубой силой и терпением. Зачем тогда все остальные улики? В нормальном игровом мире все зацепки взаимосвязаны, и без одной нельзя собрать общую картину. Здесь же... что-то было не так.

К тому же Нин Чжунь появился слишком вовремя. Какое-то шестое чувство подсказывало Ли Цзяньчуаню: ему не стоит знать о записке.

Нин Чжунь не нашел больше ничего нового, и им двоим пришлось в темноте обыскивать каждый угол карцера, не пропуская ни единой щели. С появлением спутника Ли стало намного легче — не физически, а морально.

Прошло двадцать четыре часа.

Тот, «внешний» Ли Цзяньчуань приходил к двери уже дважды. Нин Чжунь тоже пытался выглянуть наружу и заговорить с ним, но безуспешно. В перерывах они спали несколько часов, прижавшись друг к другу в углу, а проснувшись, снова обшаривали комнату. Всё без толку.

Хотя, нет. Кое-что Ли Цзяньчуань всё же заметил.

Его острый глаз уловил, что площадь карцера начала уменьшаться. Скорее всего, это началось еще с момента его появления здесь. Измерив комнату шагами, он понял, что две стены медленно сдвигаются внутрь.

Скорость была невелика, но максимум через двенадцать часов стены сойдутся, превращая камеру в тиски. А их — в кровавое месиво.

— Давай долбить стены, — предложил Нин Чжунь.

Другого выхода не было, стоило попытаться. Нин Чжунь не мог появиться здесь просто так, он явно был частью разгадки. Раз идей не было, в ход пошло шило.

Оба они не привыкли медлить. Выбрав стену, в которой была дверь, они принялись за работу. Ли Цзяньчуань наносил удары шилом, его напарник помогал расчищать крошку скальпелем. Ли был намного сильнее, но шило оказалось крошечным, игрушечным — в него невозможно было вложить мощь.

За несколько часов им удалось пробить лишь небольшую ямку глубиной меньше десяти сантиметров. Будь у них столько времени, сколько провел здесь Ли, они бы справились. Но времени не было.

Стены неумолимо сближались. Односпальную кровать прижало и потащило вперед с противным скрежетом железных ножек. Письменный стол тоже сдвинулся, лишая их пространства за спиной.

Сначала они работали плечом к плечу, но вскоре места перестало хватать даже двоим. Ли Цзяньчуань притянул Нин Чжуна к себе, обхватив его сзади одной рукой, словно матрешку, а второй продолжал иступленно бить по стене. Каменная крошка и пыль летели во все стороны. Ли прикрывал глаза спутника своим локтем, чтобы не ослепить его.

Его мощная грудь тяжело вздымалась, обдавая затылок доктора жарким дыханием. Капли пота с подбородка Ли падали на висок Нин Чжуна.

— Мы не успеем, — констатировал Нин Чжунь.

Его голос был пугающе спокойным.

— Я не думаю, что мы умрем по-настоящему, — продолжал он. — Судя по логике этой игры, мы должны погибнуть один раз, чтобы цикл продолжился. Тела здесь — это наши оболочки «внутреннего мира». Раз смерть там не окончательна, то и здесь тоже.

Стук шила над головой прекратился.

— Больше не боишься боли? — Ли Цзяньчуань опустил голову.

— При таком давлении и скорости... От начала агонии до самой смерти пройдет минут двадцать. И тебе придется стоять боком. Быть медленно раздавленным в лепешку... Это же настоящая казнь.

Нин Чжунь улыбнулся:

— Одному страшно. А вдвоем — чего бояться?

Ли Цзяньчуань усмехнулся и, развернув юношу лицом к себе, уперся широкими плечами в наступающие стены.

Зажатые в тесном пространстве, они дышали друг другу в губы. Жаркое и прохладное дыхание переплеталось, смешиваясь с запахом пыли. Было одновременно тревожно и очень тихо. Нин Чжунь обхватил Ли за талию. Мужчина подстроился так, чтобы принять основной удар на себя, укрывая парня в своих объятиях.

В сжимающемся пространстве воцарилось молчание.

А затем...

Раздался отчетливый хруст ломающихся костей. Густой запах крови заполнил узкую щель, которой стала комната. Дыхание становилось всё более судорожным, пока не сорвалось в удушье. Обломки ребер пронзали легкие и сердце, кровь просачивалась сквозь поры, пропитывая одежду и волосы.

Это длилось вечность. Боль нарастала с каждой секундой, кости и плоть перемалывались в тисках — изощренная, запредельная пытка. Ли Цзяньчуань в последний раз коснулся подбородком макушки Нин Чжуня и прохрипел:

— Закрой глаза... не будет больно.

Свет померк.

С грохотом стены столкнулись.

В тот же миг время исказилось, и линии мироздания начали перестраиваться. В одно мгновение, словно по велению творца, полностью разрушенный карцер восстановился, не оставив и следа от недавнего хаоса. Кровать, стол, стена с оборванными фотографиями — и Нин Чжунь, вновь появившийся на простынях.

Ли Цзяньчуань вздрогнул всем телом и резко распахнул глаза. Пару секунд его взгляд оставался пустым — он всё еще был там, в той жуткой, до боли реальной смерти. Но это длилось лишь мгновение.

В следующую секунду он быстро огляделся и понял: догадка Нин Чжуня подтвердилась. Они не умерли, они просто вернулись в момент его появления. Словно загрузка с сохранения.

Мужчина поднялся с пола и посмотрел на скальпель в своей руке. Записка не появилась снова — вероятно, из-за того, что он ее съел. Улики, уничтоженные игроком, не восстанавливались.

Он подошел к кровати в тот момент, когда Нин Чжунь открыл глаза. Ли замер, глядя на мокрые дорожки на лице доктора. Его охватил небывалый шок. Он замялся, впервые не зная, что сказать:

— Ты... чего плачешь?

Юноша сел, его лицо было совершенно спокойным. Он коснулся уголка глаза и негромко ответил:

— Больно было.

Больно, это верно. Но Ли Цзяньчуаню почему-то показалось, что тот говорит совсем о другой боли.

Впрочем, не дав ему додумать, доктор поднял руки и обнял его за шею. Мужчина помедлил, а затем привычным движением подхватил его под бедра, усаживая к себе. Он вгляделся в лицо Нин Чжуня и коснулся его виска.

Пульс у юноши бешено колотился. Это означало, что за внешним спокойствием бушует шторм эмоций. Висок бился так сильно, что Ли испугался, как бы у него не лопнул сосуд.

— Всё в порядке.

Ли Цзяньчуань некоторое время мягко массировал ему голову. Нин Чжунь немного пришел в себя и прошептал:

— Ты ведь что-то скрыл от меня?

— Да, — признался мужчина.

Он подозревал, что странное состояние Нина связано именно с этим, и решил сказать правду.

Нин Чжунь поднял на него взгляд.

— Я всё расскажу. Но сначала ответь мне на один вопрос. Если верить тем фотографиям, в этом карцере содержали подопытного. Эксперимент длился пятьсот двадцать недель. Был некто, кто полюбил подопытного и согласился заменить его, чтобы тот вышел на свободу. Кто из нас двоих — подопытный?

Мрачный блеск в глазах Нин Чжуна медленно угас при последних словах. На его лице отразилось горькое понимание.

«Игра по ролям»

Считать так было проще всего. И это был их единственный шанс выбраться.

— Расскажи, что ты спрятал, тогда я смогу ответить, — Нин Чжунь чуть прищурился. — Хотя еще в момент смерти догадался: ключ к выходу находится у возлюбленного. Или, вернее сказать, возлюбленный — это и есть сам ключ.

— Именно так.

Ли Цзяньчуань смотрел на него в упор. Помолчав, он добавил:

— Вместе со скальпелем я нашел записку. Там было сказано: «Ключ к выходу — в сердце возлюбленного». Я решил, что это ловушка.

Он пересказал свои выводы о кодовом замке, внимательно следя за реакцией доктора.

Нин Чжунь усмехнулся:

— Ты получил эту фразу, и тут же появился я... Ты решил, что я — тот самый возлюбленный, которого нужно убить?

Ли кивнул:

— Классический сценарий для взаимного истребления.

— На самом деле есть еще один вариант, — улыбнулся Нин Чжунь. — Ограничение по времени включилось давно. Кодовый замок не позволял бы тебе подбирать пароль бесконечно. Ты не измерял комнату до моего появления, но я уверен — стены начали сдвигаться еще тогда, до того, как ты открыл ящик.

Он указал на стену:

— Посмотри сам. Ты говорил, что стена была утыкана фотографиями без единого зазора. Взгляни на края тех двух стен. Видишь? Следы от снимков начали исчезать. Время пошло в тот момент, когда ты сорвал последнюю фотографию.

— Перед смертью я посчитал: скорость стен нарастает. Сначала это движение почти незаметно, как у улитки. Но чем дальше, тем быстрее они идут. От момента, когда я почувствовал давление, до смерти прошло меньше десяти минут.

Пока он заговорил, Ли Цзяньчуань уже поднес его к стене. В этой темени Нин Чжунь видел плохо, но для мужчины всё было как на ладони. Действительно, края прямоугольных следов от фотографий на подвижных стенах были словно «откушены». Раньше там были полные контуры, теперь же они стали неполными.

— Если бы ты, получив зацепку из стихов, не взломал шифр за сорок восемь часов — я думаю, срок был примерно такой, — ты бы погиб, даже не найдя записки. Этот замок не дал бы тебе вечности, — анализировал Нин Чжунь. — Так что твое предположение о ловушке не совсем верно.

Ли Цзяньчуань наконец осознал пропасть между их интеллектами. И внимательностью.

А ведь он еще радовался, что нашел лазейку в правилах. Конечно, он скрыл правду от Нина еще и потому, что испугался. Испугался, что тот действительно окажется «возлюбленным». Испугался, что текст записки подействует на него так же, как стихи или те слова о Наставнике, и он, ведомый чужой волей, вонзит скальпель.

Или...

Ли Цзяньчуань вдруг с ужасом подумал:

«А не решит ли Нин Чжунь убить себя ради него?»

От этой мысли ему стало не по себе. Хотя, если рассуждать здраво, это маловероятно. Они знакомы не так долго. Он нравится юноше, возможно, тот даже любит его, но вряд ли настолько, чтобы пойти на такое. Нин Чжунь не из тех, кто живет одними лишь чувствами.

— И всё же... — Нин Чжунь теснее прижался к нему, подняв голову. Его влажное, горячее дыхание коснулось ушной раковины мужчины. — Брат, а ты ведь сообразительный.

У Ли Цзяньчуаня закололо в щеке. Он бросил на Нина короткий взгляд и молча признал свое поражение в этой интеллектуальной дуэли. Хотя ему всё равно казалось, что в рассуждениях доктора есть какая-то странность, которую он не может уловить.

— У слова «возлюбленный» в записке нет определения, — Нин Чжунь выбрался из его объятий и подошел к стене, небрежно перебирая окровавленные снимки. — Заместитель полюбил подопытного, подопытный полюбил заместителя. Они оба — возлюбленные друг для друга. А значит, ключ может быть в сердце заместителя... или в сердце подопытного.

Ли Цзяньчуань нахмурился:

— В записях сказано только про чувства заместителя. Откуда ты взял, что подопытный ответил ему взаимностью?

В глазах Нин Чжуня на миг что-то замерло. Он негромко рассмеялся:

— Просто логичное предположение.

С этими словами он ловким движением вытянул одну из фотографий.

— Давай проверим, это ведь ничего не стоит.

Ли взял снимок. Это была именно та фотография, где подопытному делали операцию на сердце. Он тщательно прощупал поверхность подушечками пальцев и действительно наткнулся на крошечный, почти незаметный выступ.

Мужчина аккуратно сделал надрез скальпелем и слой за слоем снял бумагу. Внутри, в самой толще снимка, обнаружился прозрачный, тонкий, как чешуйка, чип в форме ключа.

Нин Чжунь взял его и прижал к железной двери. Синяя волна света мгновенно разошлась от чипа по всему полотну.

Раздался долгожданный щелчок. Дверь, запертая долгие часы, наконец поддалась. За ней открылся вид на ту самую винтовую лестницу, а у самого порога на полу стоял подсвечник. Знакомая картина. Всё было так сложно и одновременно так просто.

— Пошли, — позвал Нин Чжунь.

Ли Цзяньчуань поднял подсвечник и взял напарника за руку, собираясь спускаться, но заметил, что тот вдруг обернулся. Нин стоял спиной к нему и пристально смотрел на что-то в опустевшей камере.

— Что такое? Жалко расставаться?

— Ноги болят. Понеси меня.

— ...Запрыгивай.

Мужчина подхватил парня на спину и зашагал вниз по длинной винтовой лестнице. Вскоре перед ними снова раскинулась бескрайняя белизна снега и две вершины-близнецы, высящиеся над миром.

<http://bllate.org/book/15871/1442375>